

жителей Иудеи» [1]. Важной составляющей внешнего облика Иуды становится характеристика его взгляда – «ЗЛОбный». Казалось бы, Л. Андреев традиционно включает в одну тематическую группу имя Иуды, номинативы *зло* и *ложь*. Однако неслучайно на протяжении всего текста рядом с образом худшего из всех людей стоит образ Христа как символ добра и веры. Анхель де Куатъ в прологе к одной из своих книг пишет: «Иуда Искариот» Леонида Андреева - одно из величайших произведений русской и мировой литературы. Оно обращено к человеку. Оно заставляет задуматься - о том, что такое истинная любовь, подлинная вера и страх смерти. Леонид Андреев словно бы спрашивает - ничего ли мы здесь не путаем? Не прячется ли за нашей верой страх смерти? И много ли веры в нашей любви?».

Действительно, Л. Андреев то и дело заставляет сомневаться читателя, заставляет поверить в то, что концепт «Иуда» буквально вылит из контраста. Он - трагичен, жалок и, как ни странно, ... честен. Создавая речевой портрет героя, писатель неустанно подчёркивает его «злословную» речь («С той же странной злобой Искариот бросил отрывисто и резко: «Люблю» [1]). Некоторые контексты предполагают связь *злословия* с *ложью*, которая действительно сопровождает Иуду на протяжении всего текста, но вдруг резко сменяется правдой в конце второй главы. Традиционно образу Иуды противопоставлен образ Христа, но в анализируемой нами повести Иуда противопоставляется не только добру, правде и вере, но и... **самой лжи**. Не правда ли неожиданный культурно-прагматический поворот в создании всей концептосферы художественного текста? Он как раз и порождает главную научную интригу.

С.А. Станиславская справедливо заметила, что контраст функционирует «как один из видов семантико-стилистической организации ... текста» и «находит свое выражение в системе разноуровневых оппозиций» [5: 5]. Прежде всего, универсальной синтаксической моделью, с помощью которой Л. Андреев реализует контрастность образа Предателя и Спасителя становятся в тексте повести Л. Андреева сложносочиненные предложения с противительными союзами. Ср.: «Ученики волновались и сдержанно роптали, а он решительно принял Иуду и включил его в круг избранных», «Ученики волновались и сдержанно роптали, а он сидел тихо...» [1]. Кроме того, средством связи многих предложений становится союз «а», словно усиливая разрыв между двумя и так диаметрально противоположными краями одной диады. Но парадокс Л. Андреева заключается в том, что ложь Иуды – вовсе не ложь, а выдумка больного воображения. Не случайно словами, обозначающими один денотат, становятся речевые синонимы *ложь* и *сказка*. В сознании невольно возникает всем известная поговорка: «Сказка - ложь, да в ней намек». Вот и ложь Иуды контекстуально воспринимается как **на-мек** на всеобщую низость и подлость, которой сначала и не веришь вовсе: «По рассказам Иуды выходило так, будто он знает всех людей, и каждый человек, которого он знает, совершил в своей жизни какой-нибудь дурной поступок или даже преступление». Но вдруг в конце второй главы оказывается, что л о ж ь Иуды – п р а в д а. Оказывается, что люди, которых характеризуют такие лексемы, как «радость», «внимание» и даже «любовь», посмели назвать Иисуса вором и обманщиком. И теперь уже негативные атрибуты по отношению к народу звучат из уста Фомы: концепт «любовь» противопоставляется «злости», «вера» - «камню» («...люди... встречали Христа и его друзей, окружали их вниманием и любовью и

становились верующими» - «Это были люди злые и глупые, и на камень упало семя твоих слов»). Правда Иуды всегда сходит на нет, она то и дело сталкивается с «острыми шипами». Метафорически Л. Андреев устами самого Иуды сравнивает Христа с прекрасной розой, которая не нежна лишь для Иуды. Неужели писатель посмел обвинить самого Спасителя в предательстве Иуды? Любопытно, что Л. Андреев создает контрастные образы Иуды и Христа, но не Иуды и его учеников. Если взгляд Иуды «зlobен», то и взгляд учеников Христа - «недружелобен». Получается, что в дискурсивном пространстве текста Л. Андреева окказиональным становится противопоставление учеников Христа с самим Христом.

С.А. Станиславская выделила два типа контраста:

- лексико-семантический (он представлен в тексте повести Л. Андреева на уровне речевого антонимирования лексических единиц);

- стилистический контраст (соединение стилистически разноплановых единиц).

Говоря о тексте повести «Иуда Искариот» возникает необходимость выделить особый тип контраста – концептуально-дискурсивный, который выстраивается на противоречивости взглядов писателя, состоящей в художественном сопряжении культурно-религиозной антитезы - соединении несовместимых концептов («вера» + «Иуда»). Такой тип контрастности художественных концептов переносит дискурсивный контекст повести в область непостижимых метафизических категорий, воплощаемых в тексте через так называемый когнитивный диссонанс, воплощаемый в экспрессивном столкновении не только антонимичных слов и синтаксических моделей, но и противопоставленных художественных концептов, образующих конструктивные слоты целостного художественного фрейма. Благодаря такому дискурсивному механизму когнитивный диссонанс перерастает из разрушительного противоречия в целостное и гармоничное словесно-художественное полотно.

Список литературы

1. Л. Андреев. Иуда Искариот http://az.lib.ru/a/andreev_1_n/text_0830.shtml
2. Анхель де Куатъ <http://www.likebook.ru/books/view/1312>
3. Бочина Т.Г. Контраст как лингво-когнитивный принцип русской пословицы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - Казань, 2003. - С. 4.
4. Семенов, А.Н., Семенова, В.В. Русская литература XX века в вопросах и заданиях / А.Н. Семенов, В.В. Семенова. - М.: ВЛАДОС, 2001. - Ч. 1. - 368 с.
5. Станиславская Сусанна Александровна. Контраст как принцип организации поэтического текста : На материале ранней поэзии А. Ахматовой и Н. Гумилева : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01. - Саратов, 2001. - 195 с.: ил. РГБ ОД, 61 02-10/17-X.

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ АГИОГРАФИИ В ЛИТЕРАТУРЕ КИЕВСКОЙ РУСИ

Петрухин С.С.

ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет», Орёл, Россия

Житие – распространенный жанр древнерусской литературы – буквально соответствует греческому «жизнь» и латинскому «vita». Он представляет жизнеописание знаменитых епископов, патриархов, монахов – основателей монастырей, реже биографии светских лиц, но только тех, которые считались церковно-святыми. Отсюда жития в науке часто обозначаются также термином «агиография» (от *agios* – святой и *grafo* – пишу). Агиография – искусство дореалистическое, ближайшей параллелью которому может быть древнерусская иконопись. В человеке устранялись все черты его индивидуальности, «временности», он

становился обобщенным воплощением либо добра, либо зла.

Составление житий требовало соблюдения правил и стили изложения. К ним относилось: неторопливое повествование в третьем лице, композиционное соблюдение трех частей: вступления, собственно жития и заключения. Главное действующее лицо изображалось непреложно святым, а отрицательный герой вводился для контраста и действовал на заднем плане. Жанр жития неподвижен, он исключает описание становления характера и сводится обычно к подбору материала для иллюстрации святости героя.

По объему излагаемого биографического материала выделяют два вида жития:

1) биографическое (биос) дает описание жизни христианского подвижника от рождения до смерти

2) мученическое (мариринос) рассказывает только о мученической смерти святого. [1]

В композиционном отношении жития строились по строгому тематическому плану (композиционно-му канону), который включал в себя «стандартные» положения и мотивы, «общие места». Как правило, к ним относились следующие эпизоды:

- Рассказ о благочестивых родителях.
- Благочестие проявляется с младенчества.
- Чуждается сверстников, не играет в игры, уединяется.
- Семи лет отдают в учение, он быстро овладевает грамотой и читает божественные книги.
- Решает посвятить себя Богу, избирает форму подвижничества и приступает к ней.
- Терпит невзгоды и искушения, но всегда одерживает чудесную победу по вере своей.
- Предсказывает день и час своей кончины молится и благочестиво умирает, окруженный учениками или принимает мученическую смерть. Тело его остается нетленным.
- Посмертные чудеса – самая главная часть, доказывающая право подвижника называться святым: чудеса на могиле, от мощей, от икон святого, в тех местах, где он жил.

Жития в древнерусской литературе в течение семи веков претерпели определенные изменения. Современные исследователи выделяют четыре этапа развития древнерусской агиографии. [2]

На первом этапе развития жанра широко распространяются переводные византийские жития, но уже первые русские жития отступают от традиционной схемы в сторону сближения с реальной жизнью.

Второй этап в эволюции русской агиографии (конец XIV – начало XV вв.) связан с так называемым вторым югославянским влиянием. В житиях расцветает торжественный риторический высокопарный стиль.

В XVI в. – третий этап развития древнерусской агиографии – жанровые критерии в русской литературе снова укрепляются. Создаются монументальные житийные своды. Жития для них специально перерабатываются, по возможности сглаживаются различия между ними, все подводится под общую государственную концепцию (обоснование государственного и церковного единства), пишутся в официозном, пафосном, риторическом стиле, приподнято взволнованным старославянским языком.

Четвертый этап развития древнерусской агиографии – XVII век. Происходит окончательная ломка жанра, завершающаяся его отрицанием в форме пародии.

Именно в это время в развитии житийного жанра намечаются две различные линии:

1) отказ от биографизма, усиление бытовых деталей и сюжетных подробностей,

2) подчеркнутый биографизм, выделение одной центральной фигуры и подробное описание ее истории и ее внутреннего мира.

Первая линия приведет к бытовым повестям и авантурным новеллам, вторая – к психологическим повестям и историко-мемуарной прозе.

По преданию, Нестору-летописцу принадлежит авторство трех первых дошедших до нас житий – двух житий первых христианских мучеников князей братьев Бориса и Глеба и житие игумена Феодосия – основателя Киевской лавры.

«Житие Феодосия» своей композицией и основными сюжетными мотивами вполне отвечает требованиям византийского агиографического канона: в начале жития повествуется о рождении будущего святого от благочестивых родителей, о его пристрастии к учению и чтению «божественных книг». Отрок Феодосий чуждается игр со сверстниками, усердно посещает церковь, предпочитает заплаченную одежду одежде новой, в которую настойчиво одевает его мать. Став иноком, а затем и игуменом Киево-Печерского монастыря, Феодосий поражает всех своим трудолюбием, исключительным смирением. Он, как и подобает святому, творит чудеса: одолевает бесов, по молитве его пустой сусек в монастырской кладовой наполняется мукой, «светль отрок» приносит золотую гривну в тот момент, когда братии не на что купить еду. Феодосий заранее знает день своей кончины, успеваешь наставить братию и попрощаться с ней; когда он умирает, князю Святополку дано увидеть «стълъп огнь, до небесе сущъ над манастырьмъ».

Трагическому сюжету посвящены два агиографических памятника: «Чтение о житии и о погублении... Бориса и Глеба», написанное Нестором, и «Сказание о Борисе и Глебе» (автор неизвестен, написано в начале XII в.) Согласно летописной версии после смерти Владимира один из его сыновей – удельный князь Святополк захватил великокняжеский престол и задумал истребить своих братьев, чтобы «принять власть русскую» одному. Первой жертвой Святополка был ростовский князь Борис, а затем убийца «вынез нож, резая Глеба».

Разница в приемах агиографического повествования в «Житии Феодосия Печерского» и «Сказании о Борисе и Глебе» объяснима спецификой жанра. Рассказ о святом подвижнике, подвизающемся в пустыне, монастыре, традиционно допускал большее отражение вещного мира, более живую характеристику персонажей, чем житие-маририй (рассказ о мученической смерти), где все внимание было сосредоточено на изображении страданий святого и прежде всего величия его духа перед лицом смерти. Отсюда и большая скупость деталей, и большая условность характеристик, и – с другой стороны – большая эмоциональность молитв или обличений.

Список литературы

1. Антонова М.В., Семенов Ю.В. Общие принципы композиционного строения славяно-русских переводных житий Киевского периода [Текст] // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2008. – №1. – С.147-155.

2. История русской литературы. / Под ред. Пруцкова Н.И. – В 4-х томах. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/160882>